

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МИСТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В МИФОЛОГИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

Большакова Наталья Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент, Псковский государственный университет, Псков, Россия, bolshakova55@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2038-9565>

Муратова Мая Ильгельдыевна, кандидат педагогических наук, Псковский государственный университет, Псков, Россия, muratova.maya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5218-1294>

Аннотация. Статья посвящена категории реальности в коммуникативном поведении рассказчика в мифологическом нарративе. Проблема исследуется на материале более чем 800 текстов мифологических рассказов из собрания фольклорно-этнографического архива Псковского государственного университета. Путем сплошной выборки нарративных средств репрезентации реальности было выявлено два уровня показателей. Доминирующим маркером зоны реальности первого уровня явилось слово *правда* с его лексико-семантическими, модальными и синтаксическими интенсификаторами, которые создают смысловой контекст для ядерного наименования. Второй уровень показателей событийной реальности выражен с помощью формул заверения: *честное слово*, *ей-богу* и использования фразем альтернативного типа: *правда (или) неправда*, *правда (или) нет*. «Нулевой» показатель реальности иррационального события в дискурсе нарратора может объясняться как эмоционально-психологическим настроением рассказчика, так и коммуникативным поведением слушателя (собираателя). Выводы по доминированию лексем как репрезентантов зоны реальности верифицированы с помощью применения электронных средств.

Ключевые слова: мифологический нарратив, зона реальности, дискурс рассказчика, правдивость, достоверность.

Благодарности. Исследование подготовлено при финансовой поддержке ПсковГУ в рамках научного проекта 2022–2023 гг. «Электронная база данных как модуль цифрового кластера традиционной вербальной культуры Псковского региона».

Для цитирования: Большакова Н.В., Муратова М.И. Репрезентация мистической реальности в мифологическом нарративе // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 135–140. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-135-140>

Research Article

REPRESENTATION OF MYSTICAL REALITY IN THE MYTHOLOGICAL NARRATIVE

Natalia V. Bolshakova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Pskov State University, Pskov, Russia, bolshakova55@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2038-9565>

Maya I. Muratova, Candidate of Pedagogic Sciences, Pskov State University, Pskov, Russia, muratova.maya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5218-1294>

Abstract. The article is devoted to the category of reality in the communicative behaviour of the narrator in the mythological narrative. The problem is investigated on the material of more than 800 texts of mythological stories from the collection of the folklore and ethnographic archive of Pskov State University. Two levels of indicators were identified by a continuous sampling of narrative means of representing reality. The dominant marker of the zone of reality of the first level was the word *truth* with its lexico-semantic, modal and syntactic intensifiers, which create a semantic context for the nuclear name. The second level of indicators of event reality is expressed by means of assurance formulas: *honestly*, *by God*, and the use of alternative type phrases: *(either) true or false*, *(either) truth or not*. The “zero” indicator of the reality of an irrational event in the narrator’s discourse can be explained both by the emotional and psychological mood of the narrator and by the communicative behaviour of the listener (collector of folklore). Conclusions on the dominance of lexemes as representatives of the zone of reality have been verified using electronic means.

Keywords: mythological narrative, reality zone, narrator’s discourse, truthfulness, authenticity.

Acknowledgments. The study was prepared with the financial support of Pskov State University within the framework of the scientific project 2022-2023 “Electronic database as a module of the digital cluster of the traditional verbal culture of Pskov Region”.

For citation: Bolshakova N.V., Muratova M.I. Representation of mystical reality in the mythological narrative. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 135–140 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-135-140>

Введение. Источником исследования стали более 800 текстов мифологических рассказов из собрания фольклорно-этнографического архива Псковского государственного университета, изданные в двух частях [Мифологические рассказы 2021, 2022]. Первое издание текстов регионального характера осуществлено на основе аудиозаписей с расшифровкой, максимально сохраняющей коммуникативные особенности устной диалектной речи, такие как самокомментарии, самоперебивы, возвраты, повторы, незаконченные фразы, паузы хезитации – вокализованные или незаполненные. Исследуемые тексты наполнены различными автокомментариями лингвоэтнографического характера, невербальными реакциями, к которым относятся жесты, а также смех как одна из форм самооценки и, с большой вероятностью, внутренней самозащиты.

При выявлении особенностей рассказа как прозаического жанра в литературе обращено внимание на очевидную адресацию текста, заложенную в самом названии *рассказ* и связанного с ним глагола *рассказывать*, управляющего дательным падежом: *рассказывать (что) кому* [Арутюнова: 6]. Наличие слушателя сообщает рассказу не только адресацию, но и придает ему диалогический характер, даже если повествование оформляется говорящим как монолог.

Рассматривая коммуникативную ситуацию, в которой происходит экспедиционное обследование, можно определить ее как диалог носителей двух культур, причем роль собирателя оценивается скорее как доминирующая, так как именно исследователь, задавая тему разговора и при этом «оставаясь в тени», обеспечивает успешность коммуникативного акта [Большакова]. Исследователи фольклора, правда, отмечают, что такая ситуация не передает естественного бытования мифологических рассказов в традиционной культуре [Левкиевская 2008; Черванева 2016]. Сходная проблема характерна и для диалектологии: собранные в архивах диалектные записи являются результатом научного эксперимента, инициированного диалектологом. Диалектная речь, конечно, существует объективно вне зависимости от факта ее осознания исследователем. Однако научному описанию, как правило, доступны записи, сделанные в экспедициях. В результате в контакте информанта со слушателем формируется дискурс, максимально приближенный к «живой» традиции, репрезентативность которого обеспечивается количественной, временной и ареальной достаточностью. Учитывая специфику материала, в работе мы пользуемся терминами, очерчивающими предмет исследования: *дискурс мифологических расска-*

зов либо нарратив(ы) мифологического характера / мифологический(ие) нарратив(ы).

Как отмечают исследователи, в мифологических рассказах, в отличие от немифологической прозы, изложение всегда осуществляется с точки зрения мнений и оценок рассказчика, нарратора [Черванева 2020]. Мировоззрение рассказчика получает в тексте мифологического повествования развернутую языковую репрезентацию, которая выражается в модальных установках, эмоциональных оценках: «Рассказчик является не только персонифицированным субъектом повествования, но и субъектом оценок, суждений, интерпретаций, а также часто и субъектом действия, выступая как персонаж в нарративах личного опыта» [Черванева 2017: 10].

В работе рассматривается категория реальности и связанные с ней понятия действительности, подлинности [Оводова] как наиболее значимые для мифологических рассказов, ориентированных на «правдивость» повествования.

Цель и задачи исследования. Целью работы является системное представление языковых репрезентантов категории реальности в коммуникативном поведении рассказчика в мифологическом нарративе. Задачи работы: выявление смысловых маркеров, эксплицирующих событийную реальность; раскрытие способов языкового выражения отношения рассказчика как языковой личности к реалиям и событиям мифологического повествования.

Методы исследования. В работе представлен опыт нарративного анализа мифологического текста. Смысловые доминанты дискурса выявляются путем систематизации единиц, репрезентирующих категорию реальности. Методика системного анализа используется в работе для установления коррелятивных связей между репрезентантами (лексемами и устойчивыми сочетаниями). Сходная методика применяется для выявления коннотационных сем, передающих общую модальную оценку содержания, выраженную рассказчиком. Выводы по доминированию лексем как репрезентантов зоны реальности верифицированы с помощью применения специальной компьютерной программы.

Категории реального и воображаемого в дискурсе мифологического рассказа. Достоверность как двойственная категория нарратива. По данным толкового словаря, лексемы *реальный* и *воображаемый* находятся в отношениях противоположности: ср. *реальный* ‘существующий на самом деле, действительный, не воображаемый’ [Словарь III: 690]. В семантический круг этого слова включены также адеквативы *подлинный, достоверный*: ср. *достовер-*

ный 'не вызывающий сомнений; подлинный, реальный' [Словарь I: 437]. Основываясь на параллелизме сем, получаем ряд близких по значению, но не тождественных синонимов *реальный, подлинный, достоверный*, причем последняя лексема в этом ряду коррелирует со словом *правдивый*.

Истории, рассказанные говорящим, с его точки зрения, как правило, являются отражением реальных событий, которые произошли с самим рассказчиком или с другим лицом (со слов говорящего). Речь идет не только о традиционном разделении мифологических рассказов на мемораты и фабулаты, но и о дифференциации роли нарраторов: выделении первичного – нарратора-повествователя – и вторичного (если таковой имеется), со слов которого описывается событие [Черванева 2017]. Итак, используя категорию достоверности, исследователи мифологического нарратива относят ее не столько к событийной сфере повествования, сколько к области интерпретации этой реальности рассказчиком [Веселова; Черванева 2017а].

Оценивая словарные дефиниции и дискурсивные смысловые наращивания адъективных лексем того же семантического ряда, Н.Н. Панченко приходит к заключению о совмещении двух планов в понятии категории достоверности: «соответствие реальному положению вещей в мире и субъективной уверенности человека в адекватной интерпретации данного соответствия» [Панченко: 136]. Действительно, если реальность имеет своим антиподом ее полное отсутствие – ирреальность, то признак достоверности может проявляться в разной степени, что еще более размывает ее границы.

В связи с дуализмом категории достоверности в своей работе мы используем как смысловые маркеры мифологического нарратива понятия событийной реальности (*И действительно, это уже я сама лично видала. // Да, это в самом деле было, в самом деле.*) и правдивости рассказчика-интерпретатора (*Есть, ей-богу есть! // Ай, ну честное слово! // А вот это было с моим дедом. Он рассказывал. Он человек такой был – никогда не врал. // Сам Ванька Кравцов говорил, даже божился, а то подумают, что ложь.*).

Исследование мифологического сознания устанавливает одну из важнейших его задач, проявляющуюся в коммуникации, а именно обеспечение трансляции «социального опыта эмоционально-ценностных отношений, внегенетическую передачу знания, ценностного и духовного опыта» [Пивоев: 47–48]. Действительно, нарратор в мифологическом повествовании осознает свою роль как носителя знания, которое выполняет функцию оберега в ситуации контакта с потусторонней силой или с людьми, наделенными сверхъестественной силой [Христофорова: 121]. Социальная роль быличек как поучительного рассказа обуслов-

ливает готовность носителя традиционной культуры общаться с молодыми (как правило) собирателями в экспедиционных условиях. Дидактический характер мифологических рассказов, «связанный с выработкой возможных форм поведения и системы действий по отношению к обсуждаемому событию» [Левкиевская 2009], обеспечивает этому типу устной коммуникации высокую степень правдивости и искренности, идущую от рассказчика.

Языковые маркеры категории реальности в дискурсе повествователя. Диалогический характер дискурса мифологических рассказов предполагает различные модальные оценки со стороны говорящего. Выделим основные типы показателей, маркирующих зону реальности описываемого в рассказе события.

Основным лексическим показателем зоны реальности в нашем материале выступает слово *правда* ('то, что соответствует действительности; истина' [Словарь III: 351]) – в сочетании с глаголом говорения (*А я правду говорю, какой мне толк выдумывать?*) и в предикативной функции (*Это правда. Я их хорошо знаю.*). В функции оценочного элемента в составе предиката для усиления значения используются определения: *чистая, истинная: Ну, вот это уже чистая правда, это не врёт. Это правда... Ну, это всё истинная правда, конечно, таких случаев – миллион! // А вот ещё со мной было. Чистая правда!* Интенсификаторами выступают также другие дискурсивные средства: повторы (*Вот это правда. Это правда было! // Это было правда. Это было в Репище. Это только правда.*), модальные слова со значением утверждения (*Ну конечно, правда, конечно! // Действительно, правда. Вот так! Клянусь вам!*). На весь массив текстов лишь однажды встретилось слово *истина* с его интенсификатором – в повествовании рассказчицы о личном опыте контакта с предвестником смерти ее брата (в доказательство правдивости рассказа добавляется факт собственного существования): *Это истина. <...> Это исключительно истина. Вот я живая и всё.* Региональный характер материала передает свойственные диалектному дискурсу маркеры правдивости, например: *Это добыльно, я не вру. Ср. добыльный 'истинный, верный': Эта добыльная правда* [Псковский областной словарь: 96].

Преимущественно в меморатах выражением правдивости рассказанной истории выступают формулы заверения, клятвенные формулы, крепость которым придает обращение к чести (*Ай, ну честное слово!*) или к Богу (*Есть, ей-богу есть! // Лягу – одеяло поднимается и свалится, и душит меня, душит. Ей-богу, так и было! Вот гляну: будто кот.*).

Степень погруженности рассказчика в повествование обусловлена разными «ступенями наррации» [Черванева 2017: 11]. В рассказах о чужом

мистическом опыте реальность события может интерпретироваться рассказчиком с помощью языковых формул альтернативного типа с лексемой *правда*: *Правда это или неправда?.. // А там был он или не был, правда это или нет... // А бог его знает, правда это или нет! // Не знаю, правда это или нет*. Выражения *правда (или) неправда, правда (или) нет*, на наш взгляд, – не просто знак оценки реальности события с модальностью неуверенности. В таких рассказах всегда есть указание на источник, как правило авторитетный (*мама, папаша*): *Ну, так мама говорила, правда это – неправда. // А правда ли это, я даже не знаю. Ну, это вот Надя говорила, что ейный папаша вот был молодой и кинул камушек и в няё попал. И, говорить, вот так было*. Опора на источник, заслуживающий доверия, проявляется в неопределенно-личных конструкциях с предикатом – глаголом говорения (*говорили, говорят*): *А правда это, не правда, я там не была, не видела. Но так вот говорили. // Ну, это уже, говорят, под видом покойника приходит, якобы, как нечистый дух, что ли. Правда это или неправда, не знаю. // Привидения были, видели, а кто знает, правда или неправда. А правда это или нет, а говорили так*. Поскольку интенция рассказчика в мифологическом нарративе по определению ориентирована на достоверность, то пропозицию подобных высказываний можно представить в виде смыслового конструкта: «я единолично не могу судить о правдивости рассказанного, но в том социуме, к которому я принадлежу, об этом достоверно известно».

Заключение. Проведенное исследование показывает, что мифологические тексты регионального характера, представленные в большом объеме (в нашем случае – более 800 единиц), могут служить репрезентативным материалом для выявления основополагающих признаков мифологического нарратива. Выводы, следующие из анализа данного корпуса текстов, могут быть релевантны для текстов мифологических рассказов определенной эпохи других регионов. Более того, именно так, путем соотношения «фольклорных диалектов» [Неклюдов], выявляются универсальные и этноспецифические черты культурных феноменов. Относительно устной фольклорной прозы, сближающейся с разговорной речью в целом, для корректного соотношения требуется использовать материалы, записанные с одинаковой степенью подробности и «расшифрованные» с сохранением дискурсивных свойств устной речи.

Путем сплошной выборки нарративных средств репрезентации реальности было выявлено два уровня показателей. Доминирующим маркером зоны реальности явилось слово *правда* с его лексическими интенсификаторами: *истинная правда, чистая правда, только правда*. Интенсификатором, служащим не только для усиления основного смысла, но и для выражения

экспрессии, выступает также синтаксический повтор и модальные слова со значением утверждения (*действительно, конечно*), которые создают смысловой контекст для ядерного модификатора зоны реальности – лексемы *правда*. Зона реальности маркируется также синонимичным словом *истина* и диалектизмом *добыльно* тоже в предикативной функции.

Существенно представить количественные показатели лексических средств, характеризующих зоны реальности. С помощью программы распознавания PDF-текста (PDF-XChange Editor – ПДФ Эксчендж Эдитор) был выявлен 21 случай использования слова *правда* в предикативной функции (из 48 зафиксированных вхождений были вычтены факты употребления слова *правда* в иных функциях, главным образом в роли уступительного союза либо как вводного слова с модальностью истинности, достоверности, но не по отношению к изучаемому объекту). Другие из отмеченных средств имеют по одному вхождению.

Второй уровень показателей событийной реальности выражен с помощью формул заверения: *честное слово* – два употребления, *ей-богу* – три употребления. Структурное поле семантических отношений включает также квалификаторы на основе принципа противоположности. Антонимические пары *правда – неправда* и *правда – ложь* по-разному представлены в нарративе мифологических рассказов. Первая реализуется исключительно в составе формул альтернативного типа *правда (или) неправда, правда (или) нет*. Слово *ложь* имеет одну фиксацию, отраженную в ранее приведенном высказывании, где, кроме того, клятвенной формуле *ей-богу* соответствует лексема *божиться*: *Сам Ванька Кравцов говорил, даже божился, а то подумают, что ложь*.

Таким образом, в мифологическом нарративе реализована отчетливо выраженная система языковых средств, передающих отношение рассказчика как языковой личности к реалиям и событиям мифологического повествования. Вместе с тем следует подчеркнуть, что далеко не все тексты содержат выявленные признаки. «Нулевой» показатель реальности иррационального (с точки зрения немифологического сознания) события в дискурсе нарратора может объясняться как эмоционально-психологическим настроением самого рассказчика, так и коммуникативным поведением слушающего: его профессионализмом как собирателя либо склонностью его сознания к немифологизму. В любом случае эти проблемы лежат за пределами темы настоящего исследования.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Из наблюдений над адресацией дискурса // Логический анализ языка. Адресация дискурса / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. Москва: Индрик, 2012. С. 5–13.

Большакова Н.В. Взаимодействие дискурсов в диалектном тексте // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2009. № 54. С. 7–10.

Веселова И.С. О степенях достоверности фольклорного рассказа // Фольклор, постфольклор, быт, литература: сб. ст. к 60-летию А.Ф. Белоусова. Санкт-Петербург: СПбГУКИ, 2006. С. 50–58. URL: http://folk.ru/Research/veselova_dostovernost.php

Левкиевская Е.Е. Быличка как речевой жанр // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня: сб. ст. в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности. Москва: РГГУ, 2008. С. 341–363. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/levkievskaya5.htm>

Левкиевская Е.Е. Слухи как речевой жанр. URL: https://ruthenia.ru/folklore/ls09_program_levkievskaya.htm

Мифологические рассказы псковско-белорусского пограничья: монография: в 2 ч. Ч. 1: Тексты. Комментарии. Исследования. Аудиоприложение / авт.-сост. Г.И. Плошук; под ред. Н.В. Большаковой. Псков: ЛОГОС, 2021. 382 с.

Мифологические рассказы псковско-белорусского пограничья: монография: в 2 ч. Ч. 2: Тексты. Комментарии. Исследования: аудиоприложение / авт.-сост. Г.И. Плошук; под ред. Н.В. Большаковой. Псков: Конкорд, 2022. 564 с.

Неклюдов С.Ю. Диалектность – региональность – универсальность в фольклоре // Универсалии русской литературы. Воронеж: Научная книга, 2012. Вып. 4. С. 8–38.

Оводова С.Н. Идея реальности в философских понятиях и метафорах // Омский научный вестник. 2013. № 4 (121). С. 101–104.

Панченко Н.Н. Когнитивные категории «истинность» и «достоверность»: общее и различное // Лингвистика и межкультурная коммуникация. Знание. Понимание. Умение. 2009. № 1. С. 132–136.

Пивоев В.М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск: Карелия, 1991. 111 с.

Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 9. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1994. 218 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньев. Москва: Русский язык, 1981–1984.

Христофорова О.Б. Дискурс о колдовстве и локальные фольклорные традиции: семантика, прагматика, социальные функции: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2010. 269 с.

Черванева В.А. «Возможные» и «невозможные» миры в фольклоре // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. Т. 3, № 3. С. 10–13.

Черванева В.А. Границы достоверности мифологического рассказа: делал – видел – слышал – был // Русская речь. 2017а. № 5. С. 112–117.

Черванева В.А. Мифологические рассказы как феномен коммуникации // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2016. № 1. С. 148–152.

Черванева В.А. «Рассуждающий» повествователь в мифологическом нарративе // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 12 (33). С. 9–16.

References

Arutyunova N.D. *Iz nablyudenij nad adresaciej diskursa* [From Observations on Discourse Addressing]. *Logicheskij analiz yazyka. Adresaciya diskursa* [Logical analysis of language. Discourse addressing], ed. by N.D. Arutyunova. Moscow, Indrik Publ., 2012, pp. 5-13. (In Russ.)

Bol'shakova N.V. *Vzaimodejstvie diskursov v dialektnom tekste* [Interaction of discourses in a dialect text]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo* [Bulletin of Yaroslav the Wise Novgorod State University], 2009, № 54, pp. 7-10. (In Russ.)

Chervaneva V.A. «Vozmozhnye» i «nevozmozhnye» miry v fol'klоре [“Possible” and “impossible” worlds in folklore]. *Fol'klор: struktura, tipologiya, semiotika* [Folklore: structure, typology, semiotics], 2020, vol. 3, № 3, pp. 10-13. (In Russ.)

Chervaneva V.A. *Granicy dostovernosti mifologicheskogo rasskaza: delal – videl – slyshal – byl* [The boundaries of the reliability of the mythological story: did – saw – heard – was]. *Russkaya rech'* [Russian speech], 2017а, № 5, pp. 112-117. (In Russ.)

Chervaneva V.A. *Mifologicheskie rasskazy kak fenomen kommunikacii* [Mythological stories as a phenomenon of communication]. *Vestnik VGU. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika* [Bulletin of VSU. Series: Philology. Journalism], 2016, № 1, pp. 148-152. (In Russ.)

Chervaneva V.A. «Rassuzhdayushchij» povestvovatel' v mifologicheskom narrativе [The “reasoning” narrator in the mythological narrative]. *Vestnik RGGU. Ser.: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: History. Philology. Culturology. Oriental studies], 2017, № 12 (33), pp. 9-16. (In Russ.)

Hristoforova O.B. *Diskurs o koldovstve i lokal'nye fol'klornye tradicii: semantika, pragmatika, social'nye funkcii: dis. ... d-ra filol. nauk* [Discourse on Witchcraft and Local Folklore Traditions: Semantics, Pragmatics, Social Functions: DSc thesis]. Moscow, 2010, 269 p. (In Russ.)

Levkievskaya E.E. *Bylichka kak rechevoj zhanr* [Bylichka as a speech genre]. *Kirpichiki: fol'klорistika i kul'turnaya antropologiya segodnya: sb. st. v chest' 65-letiya S.YU. Neklyudova i 40-letiya ego nauchnoj deyatel'nosti* [Bricks: folkloristics and cultural anthropology today: collection of articles in honor of the 65th anniversary of S. Yu. Neklyudov and the 40th anniversa-

ry of his scientific activity]. Moscow, RGGU Publ., 2008, pp. 341-363. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/levkievskaya5.htm> (In Russ.)

Levkievskaya E.E. *Sluhi kak rechevoj zhanr* [Rumors as a speech genre]. URL: https://ruthenia.ru/folklore/lis09_program_levkievskaya.htm (In Russ.)

Mifologicheskie rasskazy pskovsko-belorusskogo pogranič'ya: monografiya: v 2 ch., ch. 1: Teksty. Kommentarii. Issledovaniya. Audiopriložhenie [Mythological stories of the Pskov-Belarusian borderland: monograph: in 2 parts. Part 1: Texts. Comments. Research. Audio application], author-compiler G.I. Ploshchuk; ed. by N.V. Bol'shakovoj. Pskov, LOGOS Publ., 2021, 382 p. (In Russ.)

Mifologicheskie rasskazy pskovsko-belorusskogo pogranič'ya: monografiya: v 2 ch., ch. 2: Teksty. Kommentarii. Issledovaniya: audiopriložhenie [Mythological stories of the Pskov-Belarusian borderland: monograph: in 2 parts. Part 2: Texts. Comments. Research: audio application], author-compiler G.I. Ploshchuk; ed. by N.V. Bol'shakovoj. Pskov, Konkord Publ., 2022, 564 p. (In Russ.)

Neklyudov S.YU. *Dialektnost' – regional'nost' – universal'nost' v fol'klоре* [Dialectism – regionality – universality in folklore]. *Universalii russkoj literatury* [Universals of Russian literature]. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2012, vol. 4, pp. 8-38. (In Russ.)

Ovodova S.N. *Ideya real'nosti v filosofskih ponyatiyah i metaforah* [The idea of reality in philosophical concepts and metaphors]. *Omskij nauchnyj vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2013, № 4 (121), pp. 101-104. (In Russ.)

Panchenko N.N. *Kognitivnye kategorii «istinnost'» i «dostovernost'»: obshchee i razlichnoe* [Cognitive categories “truth” and “reliability”: common and different]. *Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. Znanie. Ponimanie. Umenie* [Linguistics and intercultural communication. Knowledge. Understanding. Skill], 2009, № 1, pp. 132-136. (In Russ.)

Pivoev V.M. *Mifologicheskoe soznanie kak sposob osvoeniya mira* [Mythological consciousness as a way of mastering the world]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1991, 111 p. (In Russ.)

Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi [Pskov regional dictionary with historical data]. Saint Petersburg, LGU Publ., 1994, vol. 9, 218 p. (In Russ.)

Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. [Dictionary of the Russian language: in 4 vols.], ed. by A.P. Evgen'eva. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1981–1984. (In Russ.)

Veselova I.S. *O stepenyah dostovernosti fol'klornogo rasskaza* [On the degrees of authenticity of a folklore story]. *Fol'klor, postfol'klor, byt, literatura: sb. st. k 60-letiyu A.F. Belousova* [Folklore, post-folklore, everyday life, literature: collection of articles dedicated to the 60th anniversary of A.F. Belousov]. Saint Petersburg, SPbGU-KI Publ., 2006, pp. 50-58. URL: http://folk.ru/Research/veselova_dostovernost.php (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.05.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 24.05.2023.

The article was submitted 02.05.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication 24.05.2023.